

Рассмотрение эволюции архитектуры XX–XXI веков через призму мировых глобальных кризисов позволяет ощутить влияние экономических и политических катаклизмов на формирование современной архитектурной теории и практики. Архитектура, являясь своеобразным зеркалом, отражает все актуальные проблемы, волнующие и будоражащие общество, поэтому архитекторы всегда оказывались глубоко вовлеченными в кризисные проблемы и стремились средствами архитектурной профессии найти пути выхода из них. Каждый глобальный кризис прошлого и настоящего века становился поворотным шагом в развитии архитектуры и градостроительства, формируя новые стилистические, концептуальные и теоретические направления модернизма, постмодернизма и панмодернизма. Понятие «панмодернизм» указывает на всеобщий характер модернизма, охватывающий все многообразие архитектурных мейнстримов, в той или иной мере возникающих в виде ответной реакции архитекторов на кризисные проблемы современности.

Ключевые слова: модернизм; конструктивизм и функционализм; Афинская хартия; брутализм; постмодернизм; архитектурный мейнстрим; панмодернизм. /

Consideration of the evolution of architecture of the 20–21st centuries through the prism of the world global crises allows us to feel the influence of economic and political cataclysms on the formation of modern architectural theory and practice. Being a kind of mirror, architecture reflects all the current problems that worry and excite the society, so architects have always been deeply involved in crisis problems and have sought to find ways out of them by means of the architectural profession. Each global crisis of the past and present centuries became a turning point in the development of architecture and urban planning, forming new stylistic, conceptual and theoretical trends of modernism, postmodernism and panmodernism. The concept of “panmodernism” indicates the universal nature of modernism, covering all the diversity of architectural mainstreams that arise as a response of architects to the crisis problems of modernity.

Keywords: modernism; constructivism and functionalism; Athens Charter; brutalism; postmodernism; architectural mainstream; panmodernism.

Архитектура как ответ на вызовы современности / Architecture as a response to the challenges of modernity

текст

Ольга Воличенко
Юго-Западный
государственный
университет (Курск);
Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный
университет /

text

Olga Volichenko
Southwest State University
(Kursk);
National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Кризисы – это катализаторы предстоящих изменений и движущая сила развития современного индустриального и постиндустриального общества. История человеческого общества – это история кризисов, которые начиная с XX века приобрели черты глобализма, нарушая одновременно равновесие во всем мире. Прошло уже более ста лет с момента появления модернистской архитектуры, сам термин «модернизм» устарел, продолжая эволюционировать, принимает новые формы и смыслы. Ему на смену пришел постмодернизм, сменивший архитектурой постиндустриальной эпохи, которую можно обозначить как панмодернизм.

Для понимания термина «модернизм» необходимо отчетливо представлять время и место возникновения этого явления, а также основные этапы развития. Этому вопросу было посвящено множество исследований, ставших своего рода классическими образцами архитектурно-теоретической мысли XX века, среди которых можно упомянуть Зигмунда Гидеона [1], Рейнера Бэнэма [2], Кеннета Фремптона [3], А. В. Иконникова [4] и многих других. Модернизм как масштабное явление в мировой архитектуре получил фундаментальное обоснование, но проблемы происхождения и его творческих истоков до сих пор остаются в эпицентре внимания ученых. Они стремятся раскрыть профессиональные импульсы, которые в виде созидательного, формообразующего стержня сохраняются на всех стадиях развития.

Представляется немаловажным проследить генезис модернизма как смену и конкурентную борьбу архитектурной мысли, стандартно обозначаемыми через выражения «стиль», «тенденция», «школа», «направление» и т. д. Корни любого архитектурного стиля обусловлены социальными, политическими, техническими, культурными и другими факторами, которые влияют на форму выражения и его содержание. Поэтому эти факторы являются естественным фоном развития модернистских течений как на стадии возникновения, так и на всем протяжении развертывания нового архитектурного языка. Чтобы расшифровать генетический код модернизма необходимо разобраться с той средой, которая подготовила феномен появления модернистской доктрины.

Предпосылки появления модернизма в XIX веке

В глубоком кризисе в конце XIX века оказались архитектурно-градостроительные школы всех европейских государств. Разрастающиеся предприятия в центральных районах города; железнодорожные пути, врезавшиеся вглубь городских территорий; узкие средневековые улицы с высокими домами-колодцами; отсутствие зелени; быстрый рост городского населения – это только небольшой ряд проблем, с которыми столкнулись градостроители. Сложившаяся ситуация потребовала радикальных изменений в организации и методах пространственно-планировочного формирования градостроительной среды. Принципиальные подходы, разработанные в архитектурно-градостроительных школах Европы XIX века, детерминировали и подготовили почву для основных направлений градостроительства XX века.

Английская градостроительная школа привнесла собственную градостроительную эстетику, опирающуюся на принцип композиционного объединения живописной и регулярной планировок, сформулированной Хамфри Ремптоном. Роберт Оуэн предложил концепцию интегрированного промышленного поселения-коммуны. Джон Рёскин большое внимание уделял эстетике предметной среды и формированию художественного видения города, вводя понятия:

- «композиция впечатлений», учитывающая в планировке города не только закономерности зрительного, но и эмоционального восприятия;
- «композиционная пауза» – выделение в большом городе не только акцентов, но и пространств для паузы (незастроенные территории, сады и парки), которые будут способствовать снижению утомляемости.

Позже о необходимости «пауз» будут говорить архитекторы метаболизма Киёнори Кикутате, Кензо Танге, Масато Отака и др. Пустые, неосвоенные места в структуре города визуально закрепляются символическими пространственными системами, создавая «мезопространство» – промежуточное пространство между архитектурой (упорядоченная среда обитания) и «вакуумом» природного ландшафта (хаотичная изменчивость городской среды)» [5, с. 63].

< Рис. 1. Лечворт (Англия). Архитекторы Б. Паркер, Р. Эвнин. 1903 (<https://clck.ru/33iEBV>)

В конце XIX века Эбенизир Говард предложил модель «города-сада», расположенного на лоне природы, сочетающего в себе преимущества городской и сельской жизни (рис. 1). Привлекательная идея экологичного поселения обрела приверженцев по всему миру (Лечворт и Велвин (Англия), Рубцовск и Барнаул (Алтай), Ереван (Армения), рабочие поселки в Иваново, Вологде, Бишкеке (Киргизия), мошав Нахалал (Израиль) и др.), но не сумела решить проблемы перенаселения крупных городов, предоставления доступного жилья и комфортных условий проживания.

Во французском градостроительстве происходило переосмысление концепции города в новых политико-экономических условиях. Градостроительная программа, отражающая особенности французского градостроительного мышления, была изложена в середине XVIII века иезуитом Марком-Антуаном Ложье. Сравнивая Париж с дремучим лесом, он говорит о необходимости превращения его в парк с широкими и удобными аллеями. Радикальный метод «прорубки просек» в средневековой структуре города, не отвечающий потребностям быстро развивающегося транспортно-промышленного центра, будет доминировать в реконструкции городов XIX века. Под руководством префекта Парижа Ж. Э. Османа была проложена многокилометровая система широких прямых улиц и кольцевых бульваров, уничтожившая множество исторических зданий старого города.

Камилло Зитте, один из выдающихся теоретиков австрийской архитектурно-градостроительной школы, приходит к выводу, что классическая европейская концепция градостроительства, развивавшаяся около трех веков, изжила себя из-за невозможности применения ее в формировании нового капиталистического города. Он сосредоточил свое внимание на проблеме организации предметно-пространственной среды городских площадей. Полученные на основе анализа исторических примеров приемы проектирования городских площадей устанавливали их размеры в зависимости от назначения, а также принципы создания замкнутых интерьерных городских пространств. Новаторский подход рассмотрения архитектуры с позиции ее конструктивно-материальной составляющей был предложен Готфридом Земпером.

Архитектуру он рассматривал как оболочку жизненной функции. Художественная форма – это целостное единство композиционных, исторических и инженерно-технических факторов.

Романтизм, определивший развитие европейской архитектуры с конца XVIII века, появился в результате кардинальных изменений в мировоззрении в условиях революционной ломки общественного уклада. Романтики порвали с детерминированностью классических принципов архитектурного формообразования, задав поступательное движение от традиционных форм к сложению новой системы образов. Они провозгласили ценность этнической архитектуры. Классицизм, по их мнению, сторонился народности в архитектуре, отвергал поиск собственного пути и национальной идентичности. Романтизм признает только «авторскую» архитектуру, в отличие от внеличностного классицизма (рис. 2). В романтизме творческая технология вписывалась в формулу: от идеи и замысла к архитектурной форме, а не от образца и прототипа; от внутреннего к внешнему, а не наоборот.

Неоренессанс как стиль в архитектуре получил развитие в европейских странах и России. В рамках неоренессанса возникают новые типы сооружений, использующих металлическую конструктивную систему: здания банков и бирж, административные здания, здания торговли, крытые рынки, железнодорожные вокзалы (рис. 3), торговые выставки и павильоны, промышленные здания и комплексы, которые в модернизме станут базисными объектами проектирования. Происходит переосмысление эстетики зданий и комплексов, например в тектонике античной архитектуры, работа конструкции трактуется в новом неоренессансном методе формообразования, что наблюдается в откровенной расчлененности целого и частей, в комбинированном использовании ордерных, арочных и каркасных систем, автономном включении в структуру зданий произведений изобразительных и пластических искусств и т. п.

Наиболее фундаментальные признаки модернизма еще в XIX веке определились в рамках так называемого **рационализма**, главным принципом которого стал примат инженерно-технического решения над художественно-образным моделированием. Рационализм ввел:

- ограничение типоразмеров и видов конструкций, скрытый математический расчет и стремление к оптимизации;
- практическую целесообразность планировки, размеров, высоты помещений;
- строгую геометричность архитектурной формы, целесообразность «украшения» которой определялась обществом и зависела от его вкуса.

На стыке веков появляется новое мироощущение, в котором сплетаются мир развитой техники и уходящий романтизм. Модерн, проникая во все сферы жизнедеятельности, в архитектуре России носил ярко выраженный национальный характер. Использование новых технологий, конструкций и материалов, произвольная игра орнаментальными ритмами и скульптурно-живописными декорациями легли в основу формирования образно-символической морфологии стиля (П. Ю. Сюзор, Ф. О. Шехтель, Ф. И. Лидваль и др.). «Все приемы стилизации до модер-

на лишь возвращали к эстетике прошлых эпох, порождая ностальгическое чувство ущербности современности» [6, с. 83]. Архитектуру модерна отличают поэтичная атмосфера декоративного символизма и причудливые изгибы линий стилизованных природных мотивов. Отход от историзма в Германии выражал **югендстиль**, который сумел на основе современных конструкций и материалов создать гармоничное единство органичных форм в сочетании с комфортом и элегантностью. Югендстиль отличался ясностью и чистотой выразительных средств, функциональностью и декоративностью пространственного образа (К. Бернд, Г. Обрист, Г. Гезеллиус и др.). **Сецессия** в Австрии и **либерти** в Италии первостепенное значение придавали субъективному восприятию художественных аспектов формы в искусстве и архитектуре – утонченной красоте, атмосфере игровой легкости, чувству эстетического наслаждения (Э. Лехнер, Й. Ольбрих, Й. Хоффман и др.). Стиль **ар-нуво**, появившийся во Франции, характеризует образная символика форм, ассоциа-

^ Рис. 2. Будапешт. Здание венгерского парламента. Архитектор Имре Штейндль. 1885 (<https://goo.su/zJcX9>)

^ Рис. 3. Санкт-Петербург. Московский вокзал. Архитектор К. Тон. 1855 (<https://goo.su/zxYeDel>)

^ Рис. 4. Москва. Клуб Дорогомиловского химического завода. Архитектор К. Мельников. 1927 (<https://goo.su/UrHR2m>)

тивная стилизация, орнаментальная декоративность, криволинейно-растительные элементы (Ч. Р. Макинтош в Великобритании, А. ван де Велде и В. Орта в Бельгии, Ж. Лавиротт и Э. Ж. Гимар во Франции и т. д.).

Ранний и поздний модернизм

Начало XX века совпало с апокалиптическими настроениями в общественном сознании – ожиданием конца времени как субъективного, так и социального – и, как следствие, с появлением нового современного движения – модернизма. В контексте символичности данного восприятия Первая мировая война воспринималась как закономерное явление разворачивающегося кризиса. Общее эмоциональное настроение раннего модернизма определялось сумятицей и хаосом жизни начала XX века, ее разрушение обнажало страх и одиночество человека. Эти проблемы широко обсуждались в литературе и философии: о трагедии и кризисе традиционного гуманизма рассуждали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор и др.; выходы из исторического тупика, в котором оказалось человечество, намечали А. Бергсон, Н. О. Лосский и др.; З. Фрейд, К. Юнг исследовали внутренний мир человека и способы общения его с окружающим миром. Катастрофичность мировоззрения заставила человечество пересмотреть свои взгляды на мир и место человека в нем. «Декадентство – бегство и неприятие реальной жизни, поклонение красоте как единственной ценности и неприятие социальных проблем – характеризует ранний модернизм» [7, с. 6].

«Авангардные направления раннего модернизма (конструктивизм, рационализм, пуризм, функционализм, экспрессионизм) отходят от культуры реализма, провозглашая независимость искусства от действительности» [7, с. 6]. Демонстрации модернистов в 1920-е годы часто принимали форму протеста против устоявшихся традиционных практик в архитектуре. Абсолютный нигилизм архитектуры раннего модернизма находил выражение в отрицании искусства прошлого как образца; всеобщей социализации и демократизации; осторожно-скептическом отношении к красоте; высокой интеллектуализации и концептуальности. Ранний модернизм поднял на самый высокий уровень проблемы формы, формальной компо-

зиции, психологии восприятия архитектурных объектов, природы цвета и материалов (рис. 4). Вместе с тем ранний модернизм имел свои неразрешимые проблемы. «Авангард первой трети XX века оказал влияние на многие последующие течения в архитектуре: функционализм, модернизм, хай-тек и т. д. Но это влияние, определяющее в основном стилистические и социальные аспекты этих течений, не раскрывало идею развития пространственно-морфологических представлений, которая лежала в основе формирования новой архитектуры XX века» [8, с. 35]. Подчеркнутый формализм раннего модернизма привел к упрощенной трактовке архитектурного организма. Чрезмерная оценка функциональной роли архитектурных объектов и городских структур постепенно превратила идеи энергии, красоты и функционала простых форм в догматические установки, игнорирующие типологические особенности жилых, общественных, производственных и т. п. зданий и сооружений.

Эстетика космополитических и интернациональных объектов архитектуры заключалась в свободе творчества; в поиске способов выражения локальной специфики региона без отсылки к его историческим прототипам; в красоте простых геометрических форм и гладких поверхностей из железобетона, стекла и металла. Индустриальное общество обнажило утилитарность архитектуры, сосредоточив свое внимание на технологических процессах. Ограниченность ресурсов после Второй мировой войны способствовала дальнейшему упрощению форм. Большой акцент делался на проблемах градостроительства – поиске условий для рационального функционирования городского организма и создании удобств повседневной жизни людей. Конструкция и функционализм стали важнее, чем художественные критерии формы.

Кризис раннемодернистских течений был обусловлен новыми социально-политическими, культурно-техническими и художественно-эстетическими факторами. «Вместо абстрактно-геометрического искусства приобретает популярность предметное искусство, вместо сюрреализма – гиперреализм, вместо мондриановского геометрического орнамента – поп-арт, оп-арт и др. Вместо «голового» конструктивизма возникает «телесный»

> Рис. 5. Великий Новгород. Драматический театр. Архитектор В. Сомов. 1987 (<https://goo.su/dpk5Zk>)

структурализм, вместо «линейного» функционализма – «многозначный минимализм», вместо «геометрического» кубизма – «живой» пластицизм, вместо «сурового» экспрессионизма – «мускулистый» брутализм, которые изменили парадигму формообразования и пространственного моделирования» [7, с. 29].

В 1960-е годы начинает меняться порядок социального уклада (появляется множество молодежных субкультур, вторая волна феминистского движения и т. п.), зарождается философия персонализма и индивидуализма, развивается космическая техника и инновационные технологии, меняются взгляды на взаимодействие науки и техники. Под их влиянием возникают относительно самостоятельные архитектурно-градостроительные концепции. Однозначность и рациональность постепенно уступили свои позиции. Локально артикулированный модернизм стал учитывать климатическую и культурную специфику региона (рис. 5). Архитектурная наука в это время испытывает небывалый подъем, разрабатывая научные методы проектирования, занимаясь «продвижением и распространением знаний о средовом проектировании, исследованиями в области взаимодействия людей с их природной и искусственной средой обитания, содействуя созданию окружения, отвечающего человеческим потребностям» [9, с. 9].

Период позднего модернизма характеризуется постепенным количественным ростом архитектурных направлений и течений. В их противоречивом многообразии можно выделить три основных полюса тяготения – концепции рационализма (минимализм, брутализм, структурализм, метаболизм и др.), иррационализма (неофутуризм, бумажная архитектура, эклектизм и др.) и традиционализма (регионализм, ориентализм и др.).

Внутри позднего модернизма резко усиливались кризисные противоречия, обусловленные изменением внешних и внутренних факторов, приводивших к переосмыслению базовых ценностей модернизма, ощущению неопределенности и бессмысленности всего сущего. В середине 1970-х годов наметилась девальвация идей и архитектурных течений позднего модернизма, выразившихся в игнорировании существования архитектурного культурологического подтекста.

Культура в модернизме всегда была вторична, этот фактор в конечном итоге привел к кризису модернизма и возникновению постмодернизма, восполняющего недостаток первого.

Архитектура постмодернизма

Постмодернизм демонстрирует совершенно новую культурную ситуацию, сложившуюся в конце XX столетия в постиндустриальных странах. Он уходит от рационалистической парадигмы, принимает разнообразие мнений и свободу взглядов, поощряет полистилизм, стирающий границы жанров, расшифровывает коды уникальности культурной идентичности, тяготеет к планетарному мышлению, отрицая нигилизм, свойственный авангарду раннего модернизма и др. Основные положения архитектурной доктрины постмодернизма были изложены в трудах Ч. Дженкса, П. П. Ильина А. В. Иконникова А. Рябушина, В. Хайта, А. Шукуровой, П. Рычкова и др.

«Постмодернизм как мировоззренческая ориентация, пришедшая на смену модернизму, несет в себе не только проблему исчерпанности культуры, которая просуществовала десятки столетий, но и проблему поиска того, что будет дальше, проблему поиска новых смыслов и принципов грядущей культуры» [10, с. 158]. Феномен искусства во взаимосвязи самобытной уникальности личности и общей судьбы человечества рассматривала эстетика и философия экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). Основная задача искусства, по мнению А. Камю, наделять смыслом бессмысленное. М. Хайдеггер, напротив, считал, что искусство не создает смысл, а раскрывает его. Ж. Бодрийяр экзистенцию искусства видел в противопоставлении сознательного разума и бессознательного хаоса. Философия постструктурализма Ж. Деррида включала – идею децентрации структуры, идею следа, критику концепции целостного человека, утверждение ницшеанского принципа свободной игры мысли, отрицание возможности существования первопричины любого феномена. В деконструкции он видел непрерывный и бесконечный процесс, исключаящий подведение какого-либо итога, обобщение смысла, сведение его к некоему метадискурсу, свои значения она принимает при «вписывании» ее «в цепь возможных заместителей»,

< Рис. 7. Маастрихт (Нидерланды). Музей Боннефантен. Архитектор Альдо Росси. 1992 (<https://goo.su/SAbD0q6>)

каковыми выступают письмо, след, рассеивание, различие, дополнение и т. д. (рис. 6).

Архитекторы постмодернизма вернули в архитектуру образность, представляя ее не просто процессом создания пространственных структур, а видом искусства; выдумку и фантазию; игровую аллюзию и театральность; коллажность и цитатность; иронию и сложную образную ассоциацию вместо ортодоксального, прямолинейного функционального соответствия, максимальной формализации и упрощения архитектурной формы. «Постмодернизм предстает идеологией неограниченной эклектики и разрушения любого порядка. Под этим знаком и заканчивается (или, может быть, продолжается) двадцатый век» [11, с. 20]. Произведения архитектуры постмодернизма обладают многозначностью языковых кодов, приобретая двойную структуру, как в социально-функциональном отношении, так и на художественно-семантическом уровне. В это время происходит тотальная переоценка понятия «город». Например, Альдо Росси убедительно доказывал, что в городе, существующем и развивающемся во времени, самого большого интереса заслуживают исторические артефакты. Город, как человек, помнит свое прошлое, а архитектурные памятники и есть «воспоминания», придающие ему определенную структуру (рис. 7).

В постмодернизме по сравнению с поздним модернизмом в несколько раз увеличивается количество архитектурных концепций, направлений, течений и т. п. До сих пор отсутствуют однозначность и определенность в классификации архитектурных направлений постмодернизма. В мозаичном калейдоскопе архитектурных направлений постмодернизма условно можно выделить пять «магнитов» – центров притяжения, группировки концепций «сектор историзм» («радикальный эклектизм», «цитирование», «повествовательная семантика» и т. д.); «сектор нон-фенито» («артикуляция пространства», «деконструктивизм», «деархитектура» и т. д.); «сектор полифонического семантизма» («аллюзионизм», «метафора», «контекстуализм» и т. д.); «сектор компьютерный хай-тек» («постструктурализм», «новый авангардизм», «техноэкспрессионизм» и др.); «авторская архитектура». Архитектура постмодернизма зачастую

воспринималась как репродукция, иногда превышающая качества оригинала.

Панмодернизм в архитектуре

Начало XXI века – это череда политических, экологических, социальных, эстетических и культурных кризисов, которые отражают пессимистические перспективы будущего. Архитектура утрачивает представление о себе как об искусстве на фоне активного внедрения современных цифровых технологий и искусственного интеллекта в профессиональную деятельность. На смену модернистской формуле «форма следует за функцией» приходит формула «форма может быть чем угодно». Новейшая архитектура дает свободу творчества, однако отсутствие четких критериев оценки не позволяет отличить выдающееся произведение от посредственного или плохого. Поэтому каждый может любую эпатажную форму выдать за шедевр архитектуры. Другими словами,

v Рис. 6. Штутгарт (Германия). Институт энергетических технологий Hysolar. Архитектор Гюнтер Бениш. 1987 (<https://goo.su/UnQA9k>)

> Рис. 9. Манчестер (Англия). Онкологическая клиника Maggie's. Архитектор Foster + Partners. 2016 (<https://goo.su/kdnCM>)

классические методы зодчего стали архаичными, а новые пока не приобрели всеобъемлющего характера. Отсутствие постоянных и универсальных законов, применимых ко всевозможным ситуациям, требует глубоких сдвигов в архитектурной теории.

Понимание природы кризиса принципиально важно для анализа современного состояния архитектуры. Итальянский историк архитектуры Манфредо Тафури говорил, что «архитектура – это поле, определяемое и конституируемое кризисом» [12, с. 27]. Это арена непрерывной борьбы, которая разыгрывается на критическом, теоретическом и идеологическом уровнях, а также через множество ограничений, налагаемых на практическую деятельность архитектора.

Глобальный экологический кризис вызвал коренное изменение в архитектурной теории. Последние отчеты многочисленных исследований об изменении климата вследствие загрязнения атмосферы, водоемов, почвы, сокращения лесов и т. п. являются доказательством умножения экологических проблем, с которыми мы столкнемся в ближайшем будущем. Практически одна треть мирового потребления энергии и почти 40 процентов выбросов углекислого газа приходится на городскую застройку и секторы строительства. В прозрачном, связанном коммуникативно-информационной сетью мире возрастает роль и значение архитектуры в решении этих проблем. Разработка экологичной архитектуры тотальной бионики – это не просто модная тенденция или второстепенный аспект архитектуры, это способ архитекторов помочь миру с его проблемами; она выходит за рамки просто технической адаптации или использования новых материалов (рис. 8).

На развитие архитектуры сильное влияние оказали глобальные кризисы в области здравоохранения. Масштабная пандемия испанского гриппа и туберкулеза, поразившая города Европы и Северной Америки в начале XX века, вдохновила архитекторов на формирование гуманного исцеляющего пространства санаторных и больничных учреждений с большим количеством свежего воздуха (аэрация) и солнечного света (инсоляция), с разработкой высоких норм санитарно-эпидемиологических требований. Воздух и свет стали рассматриваться архитекторами модернизма как лечебное средство, и к каждому типу зданий относились как к лечебному. Из этого выросла чистая модернистская эстетика высоких потолков и открытых объемов, больших открывающихся окон, легко чистящихся белых поверхностей, террас и эксплуатируемых плоских кровель (аэрозолярии и место отдыха). Таким образом, болезнь изменила подходы и требования к проектированию архитектуры модернизма.

Глобальный кризис пандемии COVID-19 вновь перевернул наше представление о мире. Так же как и сто лет назад, внимание архитекторов обращено на способности искусственной среды влиять на физическое и ментальное здоровье, создание пространств, делающих

v Рис. 8. Майорка. NADAL Eco-House. Архитектор Л. де Гарридо (<https://goo.su/zwUL>)

людей сильнее и устойчивее к кризисам. В последнее время происходит ускоренное внедрение в архитектуру высокотехнологичных решений, таких как технологии бесконтактного медицинского досмотра для защиты людей в аэропортах, на спортивных и других массовых мероприятиях. Развиваются новые теории, например биофильный или салютогенный дизайн в архитектуре больниц (рис. 9). Проще говоря, это дизайн, направленный на создание структур, которые делают людей здоровее и счастливее. Подобно модернистской архитектуре XX века, он возвращается к использованию солнечного света, естественной вентиляции и взглядам на природу как средство улучшения здоровья и самочувствия.

Современная архитектура четко реагирует на вызовы, предлагая решения череде глобальных кризисов. Этот этап развития новейшей архитектуры можно выразить через понятие «панмодернизм» (всеобщий, всеобъемлющий модернизм), в котором наработки «классического» модернизма интегрируются с новыми концептуальными построениями, выявляя неограниченные возможности и распространяя их на все аспекты современной архитектурной проблематики. В панмодернистском дискурсе, несмотря на соперничество различных подходов и концептов, достаточно явственно проступает общность в мировоззренческих предпосылках и тематике, ориентирующейся на экологически устойчивую архитектуру. Мейнстримами, аккумулирующими концептуальную мозаику современных течений, являются новейшая авангардная архитектура (неосупрематизм, темпоральная складка, экспрессивный структурализм и др.), архитектура техницизма (кибертектура, техноэкспрессионизм и др.) мегаландшафтная архитектура (тотальная бионика, лэндформенная архитектура и др.), квазиархитектура (электронное барокко, виртуальная архитектура и др.) и архитектура нового историзма (исторический феноменологизм, репрезентативизм, X-историзм и др.) и т. д.

Заключение

Технический прогресс и индустриализация в XXI веке послужили основой для новой ступени развития архитектурной практики и теории. Новейшим направлением стало совмещение технического прогресса, функциональности и чистой геометрии, получившее воплощение в модернизме. Катализатором изменений, кроме прогресса, была череда общественных, экономических и политических кризисов, сотрясавших мир. Распространение раннего модернизма проходило на фоне Первой мировой войны и революционных движений, поздний модернизм возник после Второй мировой войны в ответ на необходимость восстановления разрушенных городов и предоставления дешевого жилья. На смену послевоенной архитектуре с ее жесткими формами пришел постмодернизм, проповедующий свободу личности и индивидуализм.

Относительно мирное время с характерным для того периода ростом потребления не обошлось без кризисов, которые сформировали его основу. К этим кризисам относятся холодная война, война во Вьетнаме, мощные общественные движения за права человека и свободу личности. Панмодернизм возник на стыке цифровых возможностей, новых технологий и поиска новых форм для ответа на современные вызовы – экологические, социально-политические, эпидемиологические и др. В ответ на это архитектура должна быть очень разной: с одной стороны, возникает необходимость в большем углублении, конкретизации и специализации профессиональной деятельности, а с другой – необходима свобода, раздвигающая границы известного пространства, чутко улавливающая все нюансы происходящих изменений, предлагая собственное видение проблем.

Литература

1. Гидион, З. Пространство, время, архитектура. – Москва : Стройиздат, 1984. – 455 с.
2. Бэнем, Р. Взгляд на современную архитектуру. Эпоха мастеров. – Москва : Стройиздат, 1980. – 172 с.
3. Фремpton, К. Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. – Москва : Стройиздат, 1990. – 535 с.
4. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – Т. 1. – 656 с.; 2002. – Т. 2. – 672 с.
5. Воличенко, О. В. Экологическая концепция китайского архитектора Ван Шу // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. – 2023. – № 1. – С. 63–75. – DOI: 10.21869/2311-1518-2023-41-1-63-75
6. Лаврентьев, А. Н. История дизайна. – Москва : Гардарики, 2007. – 303 с.
7. Воличенко, О. В. Концептуально-прототипное моделирование архитектурных объектов. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2017. – 142 с.
8. Данилова, Э. В. От изображения к конструкции. Развитие формообразующих методов кубизма и футуризма в архитектуре XX века. – Самара : Содружество плюс, 2004. – 160 с.
9. Sanoff, H. The role of EDRA // The Ethical Design of Places Proceedings of the 40th Annual Conference of the Environmental Design Research Association. – Kansas City, 2009. – P. 9–12.
10. Кириллова, Н. Б. Концепт постмодерна как явление культурного полифонизма // Приволж. научн. вестник. – 2013. – № 11 (27). – С. 155–162.
11. Лидин, К. Архитектурософия. Приключения архитектурных концепций в двадцатом веке // Проект Байкал. – 2019. – № 59 (1). – С. 16–25.
12. Tafuri, M. Architecture and Utopia. Design and Capitalist Development. – Cambridge : MIT Press, 1979. – 196 p.

References

- Benem, R. (1980). *Vzglyad na sovremennuyu arhitekturu. Epoha masterov [Age of the masters: A personal view of modern architecture]*. Moscow: Strojizdat.
- Danilova, E. V. (2004). *Ot izobrazheniya k konstrukcii. Razvitie formoobrazuyushchih metodov kubizma i futurizma v arhitekture XX veka [From image to design. The development of the shaping methods of cubism and futurism in the architecture of the 20th century]*. Samara: Sodruzhestvo plus
- Frempton, K. (1990). *Sovremennaya arhitektura. Kriticheskij vzglyad na istoriyu razvitiya [Modern Architecture: A Critical History (World of Art)]*. Moscow: Strojizdat.
- Gidion, Z. (1984). *Prostranstvo, vremya, arhitektura [Space, Time and Architecture]*. Moscow: Strojizdat.
- Ikonnikov, A. V. (2001-2002). *Arhitektura XX veka. Utopii i realnost [Architecture of the XX century. Utopias and reality] (In 2 vols.)*. Moscow: Progress-Tradiciya.
- Kirillova, N. B. (2013). *Koncept postmoderna kak yavlenie kul'turnogo polifonizma [The concept of postmodernity as a phenomenon of cultural polyphony]*. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, 11(27), 155-162.
- Lavrentev, A. N. (2007). *Istoriya dizajna [Design History]*. Moscow: Gardariki. ISBN 5-8297-0262-2
- Lidin, K. (2019). *Architecturosophy: Adventures of architectural concepts in the twentieth century. Project Baikal*, 16(59). 16-25. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1426>.
- Sanoff, H. (2009). *The role of EDRA. The Ethical Design of Places Proceedings of the 40th Annual Conference of the Environmental Design Research Association* (pp. 9-12). Kansas City.
- Tafuri, M. (1979). *Architecture and Utopia. Design and Capitalist Development*. MIT Press. ISBN 9780262700207
- Volichenko, O. V. (2017). *Konceptualno-prototipnoe modelirovanie arhitekturnykh obektov [Conceptual and prototype modeling of architectural objects]*. Bishkek: KRSU. ISBN 978-9967-19-516-5
- Volichenko, O. V. (2023). *Ekologicheskaya koncepciya kitajskogo arhitekтора Ван Шу [Environmental concept by Chinese architect Wang Shu]*. *Biosfernaya sovместimost: chelovek, region, tekhnologii*, 1, 63-75. DOI: 10.21869/2311-1518-2023-41-1-63-75